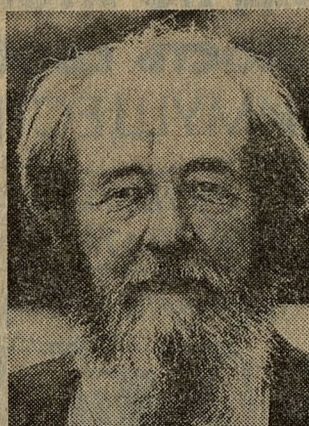

А. И. приедет в Магадан. Снимите шляпу?..

В пятницу рейсом из Анкориджа в Магадан прибывает Александр Солженицын с супругой. Осмотрев места, печально известные читателям по роману «Архипелаг ГУЛАГ», писатель планирует проследовать во Владивосток, откуда поездом — в Москву. Как примут его соотечественники!

СНАЧАЛА факт очевидный: великий русский, Солженицын (если, конечно, не помешают случайности), действительно вернется. И есть надежда, не в пломбированном вагоне (что можно предположить, поскольку есть намерение вернуться очень тихо, чуть ли не тайно — как намекалось в текущей прессе).

Теперь неочевидное. Коли сам процесс возвращения растянулся на три с лишним года, а писателя в общей сложности не было в стране 20 лет (собственно, изгнание длилось несколько меньше), то в связи с этим возникает ряд простых человеческих вопросов.

1) В какую страну писатель вернется (в ту же или в другую — вспомним Горбачева, для которого страна оказалась чужой буквально за 3 дня)? 2) Будет ли А. И. Солженицын активно участвовать в общественно-политической жизни (и стоит ли ему в ней участвовать)? 3) Если все-таки будет и стоит, то «с кем вы, мастера культуры»? 4) В зависимости от того, будет ли (или равно — не будет) — какова может оказаться сила его воздействия на общество?

Я и мои товарищи опросили на этот предмет несколько десятков влиятельных людей. Вот только часть из российских ожиданий. (Не забудем, что каждый говорящий своим мнением оценивает не только факт возвращения, но и себя, свои планы и надежды).

Геннадий БУРБУЛИС: «Я рад за нашу страну, за всех нас, что Александр Исаевич возвращается. Он должен жить на Родине. И Родина должна в полной мере дорожить личностью художника — духовно свободного, творчески высокого. Солженицын будет со всеми, кому близка судьба полноценной, уважающей себя России. Это колоссальное событие в нашей истории».

Александр НЕВЗОРОВ: «А кто он, собственно, такой? Писатель? Так скорее публицист! Историк? Но по его книгам узнать историю можно примерно так же, как по романам Дюма...»

Михаил ПОЛТОРАНИН: «Я с таким мнением абсолютно не согласен. По-моему, это будет современный Лев Толстой. Я связываю с возвращением очень большие надежды. Хотя, конечно, Солженицын станет раздражать всех своими советами — и президента, и правительство, и оппозицию».

Сергей БАБУРИН: «Ничего не жду от его приезда. Он опоздал по крайней мере на 3 года».

Сергей КОВАЛЕВ: (бывший диссидент. «Выбор России»): «Это очень хорошо. Еще один достойный, заслуженный человек, глубоко мыслящий, оказывается здесь. Я надеюсь, что он не будет с так называемыми национал-патриотами».

Анатолий ЛУКЬЯНОВ: «Его статья о судьбах России написана с совершенно определенных позиций, с идеей объединения. С тех пор положение в стране только ухудшилось. Поэтому, я думаю, выступать А. И. Солженицын будет критически, в том числе и по отношению к президенту».

Геннадий ЗЮГАНОВ: «Мне передали на днях его последнее интервью в западной прессе. Надо ожидать критики — в адрес властей, президента».

Олег КАЛУГИН (бывший генерал КГБ): «Мне представляется, время Солженицына прошло. Что он сделал для страны — все в прошлом. Российскому народу сейчас не до него».

Григорий ЯВЛИНСКИЙ: «Я очень рад, что приезжает русский писатель, к которому я испытываю большое уважение. Это настоящая, крупная величина».

Как видим, при первой вскидке мнения разделяются почти поровну. Причем скорее всего от писателя большего ожидают демократы, а не патриоты. Старые и новые лидеры коммунистов хотят видеть в антикоммунисте союзника и ждут от писателя подмоги в борьбе с президентом. Самый большой накал в чувствах по поводу возвращения русского писателя, судя по всему, испытывает Г. Бурбулис. Самое прохладное отношение к факту возвращения «просвещенного патриота» — у патриотов новой волны.

НУ А ТЕПЕРЬ есть смысл послушать аналитиков.

Лариса ПИЯШЕВА (экономист, сторонница радикальных реформ): «Я боюсь, его ждет большое разочарование, так как очарование демократией прошло. Выросло новое поколение с большими амбициями. Многие демократы у власти будут рассматривать его как конкурента. Много может быть вонючек. Этого сказать... Нет, не грязь, не го-

нений, но гнусностей, распристрастных сейчас. Словом, примут его не с распростертыми объятиями. У оппозиции уже свои лидеры. А у демократов каждый мыслит себя президентом. Его будут пытаться использовать, но побочные силы (поскольку время его прошло) — скажем, Бурбулис, может быть, захочет разыграть эту карту, так как сейчас оказался на периферии».

Татьяна КОРЯГИНА (экономист, бывший демократ, затем сторонница «порядочных коммунистов - государственников»): «Если он человек честный (а я так думаю, знаю, поскольку воспитывалась на его идеях «Ничего не по лжи») — он не станет активно участвовать в политике. Ведь степень обмана и предательства настолько велика, что поддерживать, скажем, команду Ельцина — немыслимо. С патриотами? Коммунистами? Сюда ему ходить нельзя — это будет поперек общественного мнения. Он, конечно, может совершить внутренний переворот — как это сделал Зиновьев или Максимов. Похожий переворот произошел у меня, когда я, безусловно, поддерживала реформу в 89-м и наконец, поняла — дело не в ярлыках. Надежда на людей, для которых, действительно, дорога Россия. Но у него слишком сильный замах на антикоммунизм. Хотя здравый смысл подсказывает — необходимо создать коалицию государственников, невзирая на наклейки, включая и коммунистов, порядочных коммунистов. Но, главное, ему сейчас — не поддерживать безоглядно президентскую команду и не бросаться к патриотам. И антикоммунизм стоит осмыслить заново. Ведь фактически он умер — так как мир оказался сложнее. А XXI век, бесспорно, — век большой централизации и синтеза всего здорового, что содержится в коммунизме и капитализме».

Сергей ПОПОВ (президент Межрегиональной ассоциации методологов): «Сейчас в России призваны к действию силы, которые А. И. Солженицын не видел и потому, к сожалению, не знает. Вполне вероятно: как и другие совестливые писатели, будет писать гневные статьи, жаловаться».

Верояно, писатель считает: 1) северная коммунизма должна быть вычищена; 2) народ должен покаяться. А ведь теперь, на обломках коммунизма, вынуждены производить и довольно успешно произрастают новые поколения, для которых: 1) по разным причинам нет повода каяться; 2) ГУЛАГ, равно как и гражданская война, революция, Римская империя, — одинаково принадлежат истории. Молодая трава, плохо это или хорошо, но объективно — никогда не чувствует себя обязанным предшествующему поколению, одобрявшему почву. Так, дети гуннов, разрушивших Римскую империю, вступили в брак с детьми римлян и начали создавать новую, христианскую цивилизацию. Вероятны два варианта: либо уйти с головой в литературу, как В. П. Астафьев. А если будет выступать на злобу дня — то, возможно, окажется в положении А. Д. Сахарова — гениального человека (но в иной области), который писал Конституцию, страна же разваливалась по другим законам, а его выдвигали, как знамя, для своих целей. Если писателем сильно заинтересуется «Выбор России», то это объяснимо — как уходящая фигура, Горбачев держался за Сахарова, так и «Выбор» может хватиться за Солженицына. Патриоты же, какжется, считают, что теперь вполне могут без него обойтись.

Сама нарастающая Россия скорее всего не обратит большого внимания на приезд. У нынешних поколений нет утробности — они жизнь хотят жить, а не вину испытывать. Обустройство России пойдет, вероятно, мимо. Впрямую о России не думаю. Впрямую — обустриваются. Этим и происходит обустройство России — без призывов. Солженицын, может быть, сто раз прав, но действуют уже иные люди. Хотя подчеркну: Солженицын — факт свершившийся, и его вычеркнуть из истории невозможно».

Гавриил ПОПОВ: «Если Александр Исаевич уйдет в политику, его влияние, вероятно, будет падать. Если останется в стороне, как носитель нравственного идеала, — влияние может сохраниться, но это зависит от частоты вмешательства в политику. Вообще приближение предмета обожания обычно ухудшает восприятие предмета. На данном этапе факт приезда, как событие, преувеличено. Немного позднонато приехал. Но я думаю, Александр Исаевич может быть авторитетным арбитром. Хотелось бы иметь такого человека».

Шамиль СУЛТАНОВ (аналитик газеты «День» и Внешнеполитической ассоциации): 1) А. И. Солженицын возвращается в страну, которую он не знает и которая его уже практически забыла. Когда он жил в стране — то, что он писал, скажем, короткие рассказы, были известны самым широким слоям интеллигенции, и городской, и сельской. 2) После иррате-всплеска общественного интере-

са к нему различные политические силы попытаются его использовать в своих целях: и правые, и левые, и центристы. Это готовится. Я это знаю. Когда же такое не получится (а оно не получится) — к нему потеряют всякий интерес (в этом смысле он близок к В. Астафьевым), ибо есть целый ряд лидеров, которые не намерены «смотреть в рот». Его трагедия, что он пережил свое время. 3) Время его прошло. Он боролся с тем, чего давно уже нет. Страна нуждается в новом идеале, но в создании его писатель, по понятным причинам, участвовать не сможет».

Александр ЦИПКО: «По-моему, у Александра Исаевича сейчас нет политического выбора. Главное — остаться мудрецом, нравственным гарантом. Дело не в том, что не был долго. Он пропустил большой период — 88—91-й годы, когда только его книги участвовали. Теперь же был антикоммунизм потерял влияние, поскольку в результате разрушения страны возникла ностальгия по прошлому, по тому, что потеряли. И в этих условиях его активное неприятие коммунизма может быть народом не понято. Он не попал в свой цикл. Хотя, надеюсь, остался потенциальным вождем нации, реставратором русских ценностей».

Политическая роль, к несчастью, возможна, по-моему, в одной ситуации. Загаданные в бытовые проблемы люди способны проснуться при тотальной катастрофе — вот тогда может востребовано мессианство А. И. Солженицына. Но, как говорится, не дай Бог. Вообще же должно быть так: в России, в которой живет Солженицын, стыдно голосовать за Жириновского. Александр Исаевич Солженицын может стать гарантом духовно мотивированного патриотизма».

ЕСЛИ ПОПРОБОВАТЬ суммировать, то получится примерно такой пакет «наставлений». Великий, но в прошлом. И, конечно, опоздал вернуться.

Оставим возможные субъективные моменты: инстинктивную боязнь действительно крупной величины, которая вдруг падает как снег на голову и смещивает свои карты.

Но есть, видимо, в этом памете и рациональное зерно. Веские соображения объективного свойства. При этом, правда, не следует забывать: А. И. Солженицын, как известно, не один раз оказывался в безвыходном положении — и выход непременно находился: почти чудесный или просто чудесный. Боле смертельной болезнью — излечился. Хрущев пытался использовать — в итоге сам писатель его использовал и поднялся из небытия. По сути, проэксплуатировал всю пропагандистскую мощь коммунистической системы и едва не получил Ленинскую премию. А, получив Нобелевскую и проэксплуатировав уже мощь Запада, развернул критику против него. В этом, какжется, судьба, карма писателя. Формула его жизни: оказываться перед туником, перед Сицллой и Харидой и непременно «поплыть», «прокакивать» меж смертельных угроз, да еще и использовать искусство и без жалости в своих целях и противников, и временных союзников.

Однако это ближе к мистике. А вот соображения чисто прагматические. Помню 90-й год. По договоренности с А. И. Солженицыным мы в «Комсомолке» печатали его брошюру «Как нам обустроить Россию?» — «втемную». Втемную — это крайний риск издателя. Помню, я пытался просчитать хотя бы название. А не забудете, какой был момент: август 90-го. Еще пленумы, ЦК КПСС в силе, еще генсек на троне. И я допускал и такие устрашающие варианты заголовков. Например: «Крах поганого коммунизма». Или: «Катастрофа легкомысленного Горбачева». И это-то в «комсомольской» газете?! А Солженицын нас просто привел в изумление: вместо ожидаемого злорадного топтания на теле помирающего режима, — свидетельство о смерти: коммунизм рухнул. И главная мысль статьи: как бы нам всем не погибнуть под его обломками? Суть: зрелый уже, сложившийся писатель отбросил генеральную тему и на восьмом десятке лет глубоко задумался про обустройство, про созидание — а не разрушение. Или еще факт, свидетельствующий о прагматизме «мессиански настроенного» писателя. Когда в прошлом году бурно обсуждалось, что делать с коммунистической Конституцией антикоммунист № 1 умудренно заметил: да пусть она и разбрежневская, пусть лоскутное одеяло — если мы не хотим трагедии?! Как в воду смотрел. Весной 93-го разглядел очередной кровавый октябрь.

Так что, при всей серьезности аргументов и единодушии в советах «побыть в стороне», думается, что великого русского, уже составившего своей деятельностью целый пласт в истории Отечества, еще рано списывать со счетов. Кто знает, быть может, день его возвращения на родину еще будет квалифицирован нашими потомками как дата начала новой, невиданной для России эры?..

Александр АФАНАСЬЕВ.